

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Новости русской ученой литературы

Опубликовано:
Христианское чтение. 1893. № 5-6. С. 574-582.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

НОВОСТИ РУССКОЙ УЧЕНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I. Живопись Палатинской капеллы въ Палермо, по снимкамъ А. Н. Померанцева и Ф. И. Чагина. Исслѣдованіе А. А. Павловскаго. Спб. 1890 г.

Расширеніе наблюденій и исслѣдованій въ области вещественныхъ памятниковъ старины все болѣе и болѣе раздвигаетъ предѣлы византійскаго искусства и возвышаетъ его цѣну. Еще не столь далеко то время, когда историки искусствъ съ сильнымъ предубѣжденіемъ относились къ памятникамъ византійскаго искусства, не находя въ нихъ ни жизни, ни художественнаго движенія и относя на долю запада все то, что не укладывалось въ эти, издавна и довольно случайно установленныя, рамки представленій объ этомъ искусствѣ. Новому времени выпалъ жребій не только поколебать это воззрѣніе, но и доказать на самыхъ памятникахъ значительную мощь художественнаго генія Византіи. Дѣло очень не легкое, потребовавшее совокупныхъ усилій специалистовъ. Приходилось начинать съ отдѣльныхъ фактовъ и единичныхъ наблюденій, преодолевать трудности разысканія памятниковъ въ разныхъ уголкахъ христіанскаго міра и путемъ индукціи устанавливать главные тезисы. Но еще и до сихъ поръ сдѣлано далеко не все: еще не всѣ византійскіе памятники приведены въ извѣстность, а памятники извѣстные далеко не всѣ обследованы. Трудъ, по поводу котораго мы начали вести нашу рѣчь, посвященъ обследованію одного изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ византійской мозаики XII вѣка. Пенсіонеры академіи художествъ гг. Померанцевъ и Чагинъ въ 1884—1885 гг. изготовили на мѣстѣ превосходные снимки всей внутренности Палатинской капеллы и сдѣлали это съ такою аккуратностію и подробностію, какихъ не представляетъ ни одно изъ западно-европейскихъ изданій этого памятника; а проф. новоросс. университета А. А. Павловскій подвергъ этотъ памятникъ историко-критическому обследованію: важнѣйшіе изъ этихъ снимковъ, отчасти въ сокращенномъ видѣ, съ текстомъ проф. Павловскаго изданы Импер. академіею художествъ.

Памятникъ, оцѣнкѣ котораго посвященъ трудъ проф. Павловскаго, находится на территоріи запада; а потому сужденія западныхъ ученыхъ относительно его происхожденія не отличались ни надлежащею рѣшительностію, ни точностію: таковы сужденія Салязаро, Серради-фалько и Марцо. Предубѣжденіе противъ Византіи съ одной стороны и преувеличенное представленіе о художественной силѣ Италіи въ средніе вѣка съ другой, побуждали иногда приписывать сицилійскимъ мозаикамъ итальянское происхожденіе и только неотразимая сила точнаго знанія и непосредственнаго художественнаго впечатлѣнія заставляла мириться на компромиссѣ или предположеніи о западномъ происхожденіи мозаикъ Палатинской капеллы подъ вліяніемъ искусства Византіи. Между тѣмъ, эти мозаики по всѣмъ признакамъ иконографіи, стиля, техники и по характеру иконографическихъ типовъ должны быть признаны всецѣло произведеніемъ Византіи; и это будетъ вполне

естественнымъ и понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на культурную и въ частности церковно-историческую связь Византіи съ южною Италіею и Сициліею въ средніе вѣка, если мы, далѣе, припомнимъ — какое громадное значеніе имѣло византійское искусство для всего христіанскаго міра, значеніе, подтверждаемое не только памятниками средневѣковой письменности, но и наличными, уцѣлѣвшими до нашего времени, памятниками искусства Италиі, Франціи, Германіи, Россіи, Грузіи, Арменіи, Сиріи, Палестины и проч. Широкое распространеніе византійскаго искусства по всему христіанскому міру становится въ настоящее время, благодаря специальному изученію предмета, фактомъ не подлежащимъ сомнѣнію. Нашъ авторъ старается раскрыть, въ частности, значеніе Византіи именно для Сициліи. Съ этою цѣлію онъ предлагаетъ въ началѣ своего изслѣдованія сжатый очеркъ исторіи Сициліи, не опуская при этомъ изъ вниманія лучшихъ изслѣдованій по этому предмету въ западно-европейской литературѣ; онъ обращаетъ вниманіе не только на политическое положеніе страны, но и на ея отношеніе къ Византіи со стороны религіи, языка и культуры. Культурная связь Сициліи и южной Италиі съ Византіею, говоря вообще, была очень крѣпка; связь церковно-административная и церковно-обрядовая также безспорна; живыми показателями ея доселѣ служатъ бавиліанскіе монастыри въ Сициліи. Благодаря имъ, въ эпоху иконоборства перешла сюда не только византійская обрядность, но и научныя и техническія знанія и искусства, которыя въ то время въ Византіи стояли гораздо выше, чѣмъ въ варваризованной Италиі. Греческій языкъ становится литературнымъ языкомъ южной Италиі; распространяются византійскія иконы среди туземцевъ. Завоеваніе Сициліи арабами, а потомъ норманнами не могло вырвать съ корнемъ прочно укрѣпившихся здѣсь слѣдовъ Византіи, хотя и оно, безъ сомнѣнія, не могло пройти безслѣдно въ исторіи просвѣщенія и искусства. Памятниковъ церковнаго искусства въ Сициліи, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ непосредственно византійцамъ, или же явившихся подъ вліяніемъ ихъ, дошло до насъ немало, — и одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ ряду ихъ принадлежитъ мозаикамъ Палатинской капеллы въ Палермо.

Уже въ самомъ распредѣленіи мозаическихъ изображеній по различнымъ частямъ палатинскаго храма художникъ обнаружилъ достаточное знакомство съ установившеюся въ Византіи символическою храма, размѣстивъ ихъ такъ, чтобы они наглядно представляли «судьбу церкви Христовой въ ея величайшихъ событіяхъ»: рядъ живописей начинается съ изображенія славы І. Христа, главы церкви, въ куполѣ и оканчивается славой Ею на землѣ послѣ страшнаго суда во главѣ высшихъ представителей церкви — святыхъ. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что общія идеи этой росписи ведутъ свое начало изъ Византіи; но тутъ необходимо, однако, нѣкоторое ограниченіе. Дѣло въ томъ, что византійская роспись храма не есть строго определенныя канонъ и допускала всегда по отношенію къ деталямъ многочисленныя и разнообразныя отступленія, зависѣвшія отъ многихъ причинъ. Въ росписи Палатинской капеллы отступленія эти замѣтны гораздо въ большей степени, чѣмъ въ храмахъ византійскихъ и русскихъ. Объясняется это явленіе отчасти общими для востока и за-

пада причинами, отчасти же самымъ планорасположеніемъ и архитектурою Палатинской капеллы. Византійская роспись сложилась въ храмахъ опредѣленнаго византійскаго типа—четырёхстолбныхъ, сводчатыхъ, купольныхъ. Примѣнительно къ особенностямъ такого храма и выработана была храмовая роспись. Но какъ скоро предстояло художнику византійскому украсить живописью трехнефную базилику съ куполомъ надъ пресвитеріемъ, какова Палатинская капелла, то понятно, что предъ нимъ выступили новыя условія, которыя ставили его въ необходимость отступить отъ принятой въ Византіи системы росписи, примѣнительно къ планорасположенію и архитектурѣ базилики. Вотъ почему авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что напр. «западная часть Палатинской капеллы, въ видѣ трехъ нефовъ, на востокъ не имѣетъ себѣ параллельныхъ памятниковъ среди сохранившихся церквей, а потому мы, естественно, не можемъ тамъ найти и подобной росписи» (стр. 61). Мозаики средняго нефа Палатинской капеллы надъ арками представляютъ намъ хронологически-последовательный иллюстрированный рассказъ событій первыхъ 32 главъ книги Бытія, начиная съ отдѣленія воды отъ земли и оканчивая борьбою Іакова съ Богомъ. Изображенія событій новозавѣтныхъ не особенно многочисленны: число ихъ доходить только до 10, начиная съ Благовѣщенія Пресв. Богородицы и кончая сошествіемъ Св. Духа на апостоловъ; но зато изображенія эти принадлежатъ къ роскошнѣйшимъ какъ по композиціи, такъ и по исполненію не только въ Палатинской капеллѣ или въ сицилійскихъ церквахъ, но и вообще въ современномъ имъ искусствѣ. Благовѣщеніе представлено въ обстановкѣ храма; Богоматерь съ рукодѣльемъ въ рукѣ; рождество Христово въ видѣ сложной композиціи, соединяющей въ одной картинѣ какъ рождество Христово въ обычной византійской схемѣ, такъ и поклоненіе волхвовъ; крещеніе І. Христа съ двумя олицетвореніями моря и Иордана и съ сѣкирою при корнѣ дерева; входъ І. Христа въ Іерусалимъ въ видѣ сложной церемониальной схемы, съ 12-ю апостолами, толпою народа у вратъ Іерусалима и съ забавными дѣтьми; сошествіе Св. Духа на апостоловъ въ оригинальной композиціи: апостолы расположены въ двѣ ширенги, и на каждого изъ нихъ сходятъ огненные языки и Св. Духъ въ видѣ голубя. Дѣянія первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла въ мозаикахъ Палатинской капеллы—явленіе оригинальное, сложившееся, повидимому, не безъ вліянія со стороны апокрифическихъ источниковъ.—Иконографическіе типы І. Христа, Богоматери, ангеловъ, Іоанна Предтечи, апостоловъ, святителей, ихъ одежды, атрибуты мучениковъ—все это имѣетъ вполне византійскій характеръ и находятъ осязательное подтвержденіе въ другихъ памятникахъ Византіи. Стиль, техника и орнаментъ мозаикъ Палатинской капеллы указываютъ на ту же Византію; но роспись потолка капеллы представляетъ, по словамъ автора, образецъ той декоративной живописи, о которой говорятъ арабскіе литературные источники: основой этой живописи послужило византійское искусство, которое на иной почвѣ восприняло въ себя посторонніе элементы и развило новыя черты стиля, преимущественно орнаментальнаго, выработавъ своеобразное содержаніе въ связи съ мѣстными условіями жизни арабскаго востока и арабскою редакціею въ которыхъ легендарныхъ сюжетовъ. Оставляя

въ сторонѣ эту орнаментику, какъ не представляющую особеннаго интереса для читателей нашего журнала, остановимся на главномъ предметѣ изслѣдованій проф. Павловскаго. Авторъ поставилъ себѣ прекрасную задачу обслѣдовать съ художественно-исторической точки зрѣнія одинъ изъ важнѣйшихъ, но недостаточно обслѣдованныхъ, памятниковъ средневѣковаго искусства. Цѣлесообразность подобной работы оправдывается уже односторонностью воззрѣній на этотъ предметъ въ западно-европейской литературѣ, какъ сказано было выше; и намъ кажется, что она гораздо сподручнѣе для русскаго, чѣмъ западно-европейскаго специалиста. Авторъ выполнилъ поставленную задачу надлежащимъ образомъ и доказалъ византійскій характеръ палатинскихъ мозаикъ. Нельзя сказать, чтобы эта задача принадлежала къ числу легкихъ. Для рѣшенія ея необходимо было обширное знакомство съ памятниками, особенно византійскими и русскими, которые даютъ матеріалъ для необходимыхъ сравненій и выводовъ, и авторъ обнаружилъ это званіе въ достаточной мѣрѣ. Вопросъ объ основномъ характерѣ памятника въ настоящее время можно считать рѣшеннымъ. Нѣкоторые недосмотры и преувеличенія въ частностяхъ не уменьшаютъ значенія ученой работы русскаго специалиста. Н. П.

II. Историческое Обзорѣніе, сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей профессора Н. И. Карѣева. Пять томовъ. Цѣна за томъ 2 р. Спб. 1891—1892.

Въ названномъ изданіи находимъ нѣсколько статей по церковной исторіи, заслуживающихъ полнаго вниманія. Такова, во-первыхъ, статья г. Лурье — «секта ессеевъ» (въ IV-мъ томѣ). Въ нашей литературѣ уже имѣется изслѣдованіе «о ессеяхъ и ерапейтахъ» протоіерея П. А. Лебедева (напечатанное въ издававшемся нѣкогда журналѣ «Духъ Христіанна»). Но со времени напечатанія этой монографіи прошло уже болѣе тридцати лѣтъ; западная литература за это время обогатилась нѣсколькими новыми изслѣдованіями о томъ же предметѣ, которыми о. Лебедевъ, естественно, не пользовался (эти изслѣдованія цитуются г. Лурье), и новое изложеніе этого предмета, дополненное новыми фактическими данными и новою критикою того, что имѣлось ранѣе, и для русской литературы нельзя считать излишнимъ. Говоря о происхожденіи секты, или, какъ онъ выражается, ордена ессеевъ, авторъ ставитъ его въ генетическое отношеніе съ асидеями, извѣстною національною партіею въ еврействѣ предъ Рождествомъ Христовымъ, боровшеюся съ другою, болѣе могущественною партіею эллинистовъ, свое стремленіе къ сближенію юдаизма съ греческою культурою доводившею до водворенія въ самомъ Иерусалимѣ языческаго греческаго культа и устраненія религіи предковъ. Одна изъ школъ асидеевъ (именно школа Іосифа-бенъ-Іоханана), о которой Талмудъ говоритъ, что она проповѣдывала общеніе съ бѣдными и порицала близкія отношенія съ женщинами, составляла, по мнѣнію г. Лурье, первое зерно ессеевъ. Далѣе авторъ довольно подробно, насколько возможно по наличному количеству первоначальныхъ источниковъ, излагаетъ ученіе, культъ и внѣшній бытъ ессеевъ, пользуясь главнымъ образомъ сочиненіемъ Lucius'a — *Der Essenismus und das Judenthum* — а также Целле-

ромъ и нѣкоторыми другими, отчасти не соглашаясь съ этими своими руководителями, высказывая свои личныя гипотезы. Считаю своимъ долгомъ отмѣтить нѣкоторые неправильныя, по нашему мнѣнію, сужденія автора въ его статьѣ. «Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ между прочимъ авторъ, что персидское ученіе о демонахъ и ангелахъ, реципированное (т. е. заимствованное) евреями во время плѣна, съ особенною любовію культивировалось и ессеями» (стр. 102). «Какъ извѣстно, дуализмъ души и тѣла не былъ вовсе извѣстенъ еврейской теологіи» (стр. 106). Ученіе о діаволѣ и ангелахъ составляетъ, вопреки увѣренію г. Лурье, общеизвѣстное библейское ученіе, и христіанскою церковію считается ученіемъ ветхозавѣтнаго Божественнаго Откровенія. Оно значится на первыхъ страницахъ Библии въ книгѣ Бытія, не говоря уже о книгѣ Іова («егда сотворены быша звѣзды, восхвалиша Мя гласомъ велимъ вси ангели Мои»). Тоже самое слѣдуетъ сказать относительно дуализма души и тѣла, о которомъ ясно говорится между прочимъ въ псалмѣ XV (стихъ 10-й): не оставиши души моея въ адѣ, ниже даси преподобному Твоему видѣти истлѣнія (апостоль—Дѣян. II, 31—истлѣніе разумѣть о тѣлѣ). За подробностями по этимъ двумъ вопросамъ отсылаемъ г. Лурье къ любому изъ имѣющихся сочиненій по православному догматическому Богословію. «Во многихъ городахъ у ессеевъ были *попечители надъ чужими* (*κηδεμόνες των ξένων*), у которыхъ хранилось платье и иное имущество ордена» (стр. 100). Въ этихъ словахъ неправильный переводъ авторомъ слова *ξένος* послужилъ причиною, что онъ даетъ совершенно прерватное свѣдѣніе о ессеяхъ, прямо противорѣчащее тому пункту ихъ ученія, который самъ авторъ признаетъ самымъ существеннымъ, основнымъ пунктомъ всего ученія ессеевъ, въ которомъ содержится *raison d'être* самаго существованія ордена, какъ организаци, обособленной отъ всего общества и замкнутой въ самой себѣ до того, что даже самыя необходимыя предметы житейскихъ потребностей были изготовляемы ими самими, чтобы не имѣть надобности, приобрѣтая ихъ внѣ своихъ общежитій, входить даже въ столь незначительное общеніе со внѣшними. Если обособленіе ордена отъ внѣшняго міра и его безусловная замкнутость составляла основной догматъ ессейзма, то какой же можетъ имѣть смыслъ приписываемое авторомъ ессеямъ «попеченіе ихъ о чужихъ» и какая можетъ быть рѣчь о «попечителяхъ надъ чужими», т. е. лицами не принадлежавшими къ «ордену»? Слово *ξένος* и у Іосифа Флавія, какъ и у библейскихъ писателей и отцовъ церкви, какъ и у антиковъ, означаетъ не «чужой», а «странникъ», человѣкъ странствующій, путешествующій изъ одной страны въ другую (синовимъ *πρόσοχος*—пришелець) (ср. Матѣ. XXV, 35, XXVII, 7, 1 Петр. II, 11, 3 Іоан. 5, 1 Тим. V, 10, Евр. XI, 13 и др.). У Іосифа Флавія въ настоящемъ случаѣ, какъ и въ Дѣян. I, 5. 10 *ξένος* означаетъ единомысленнаго и единовѣрнаго ессейца пришельца изъ другихъ странъ, подобнаго «пришельцамъ разсѣянія» изъ іудеевъ, приходившимъ въ Іерусалимъ изъ другихъ странъ на праздникъ пасхи и по другимъ случаямъ вмѣстѣ съ прозелитами іудейства изъ грековъ и другихъ народностей. Когда Іосифъ говоритъ о *κηδεμόνες των ξένων* у ессеевъ, на которыхъ лежала обязанность храненія запасовъ платья обявательстваго у нихъ вида, то, очевидно, онъ имѣетъ въ виду не чу-

жихъ для эссеевъ людей, а ихъ собственныхъ единовѣрцевъ, послѣдователей ихъ ученія, приходившихъ изъ другихъ странъ, которыхъ эти *попечители о странныхъ* и должны были снабжать пріютомъ и имѣвшимся у нихъ для этой цѣли платьемъ, безъ котораго никто не могъ входить въ общеніе съ ними. А что это такъ, видно изъ того, что, по словамъ самого автора статьи, эссеивмъ «выходилъ далеко за предѣлы Палестины», гдѣ были «иудеи разсѣянія», тамъ между ними могли быть и были, хотя можетъ быть и въ небольшомъ числѣ, прозелиты эссеизма.

Въ той же книгѣ «Истор. Обзорѣнія» находимъ интересный рефератъ г. Шафранова—объ экономическомъ бытѣ выгорѣцкаго раскольничьяго общежительства—раскольничьяго Иерусалима, какъ называетъ его авторъ—въ концѣ прошедшаго и первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Авторъ приводитъ, между прочимъ, цифровыя данныя, извлеченныя изъ одного officialнаго архива. По officialнымъ даннымъ въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія общежительство имѣло пахатной земли 863 десятины, не считая сѣнокосовъ. Земля эта была разбросана на большомъ пространствѣ около скитовъ, при 12-ти такъ называемыхъ пашенныхъ дворахъ. Скота рогатаго, столь необходимаго для земледѣлія, въ концѣ XVIII столѣтія у выговцевъ было до 500 головъ. Доходы монастырей въ началѣ нынѣшняго столѣтія простирались до 200,000 р. Данилово и Лекса въ хозяйственномъ отношеніи сначала представляли одно, но въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія Лекса отдѣлилась отъ своей митрополіи, послѣ того, какъ нашла себѣ богатую покровительницу въ лицѣ дѣвицы Голашевской, наслѣдницы купцовъ Долгихъ. Въ періодъ времени отъ 1841 по 1853 г. былъ нанесенъ первый тяжкій ударъ экономическому благосостоянію выговцевъ переселеніемъ на ихъ земли 100 человекъ крестьянъ изъ Псковской губ., послѣ чего выговцы могли существовать лишь подаваніями паломниковъ, въ избыткѣ продолжавшихъ стекаться со всѣхъ концовъ Россіи къ выговскимъ раскольничьимъ святынямъ. Въ 1853—1855 годахъ положенъ былъ конецъ существованію монастырей. Всѣ старообрядцы были выселены изъ скитовъ, молитвенные дома ихъ, кладбища и даже ограды вокругъ монастырей были разорены, всѣ священные предметы ихъ были у нихъ отобраны.

Наконецъ заслуживаетъ упоминанія въ сборникѣ статья г. Дьяконова: «Къ исторіи древне-русскихъ церковно-государственныхъ отношеній», написанная по поводу статьи «Русскаго Вѣстника» «о нашемъ высшемъ церковномъ управленіи». Авторъ опровергаетъ взглядъ, по которому наши древне русскіе митрополиты были духовными князьями, отношеніе которыхъ къ высшей государственной власти опредѣлялось договорнымъ правомъ, прекратившимся лишь во времена митрополита Симона, врученіе которому посоха великимъ княземъ было будто бы актомъ мирнаго присоединенія удѣла духовнаго князя къ сферѣ власти великаго князя, подобнымъ присоединенію Пскова къ Москвѣ. Статья г. Дьяконова представляетъ подробную историческую справку—рядъ фактовъ, обрисовывающихъ дѣйствительный характеръ взаимныхъ отношеній митрополита и великаго князя. Нѣкоторые удѣльные князья, стремившіеся стать великими князьями, пытались возвести своихъ епископовъ на степень митрополита и великіе князья усиливались (въ чемъ и успѣли) сдѣлать свой столичный городъ резиденціей митрополита

всѣя Руси потому, что видѣли въ близости къ себѣ высшей церковной власти и въ солидарности съ нею одно изъ средствъ усиленія и упроченія своей великокняжеской власти; подобными же побужденіями руководились и митрополиты, ища близости къ велико-княжескому столу; но договорныхъ отношеній юридическаго характера между двумя высшими властями духовной и государственной не существовало, — взаимныя отношенія ихъ, по мнѣнію автора, были совершенно свободныя, основывавшіяся на мотивахъ чисто нравственнаго, а не внѣшне-юридическаго характера.

III. Нила, митрополита родосскаго, четыре неизвѣстныхъ произведенія. Перев. Архимандритъ Арсеній. Москва. 1892.

О. архим. Арсеній, авторъ большого сочиненія: «Лѣтопись церковныхъ событій» (Спб. 1880 г.) и многихъ статей церковно-историческаго и патрологическаго содержанія («Николай, епископъ мѣонскій», Астерій, еп. амасійскій и др.), разсѣянныхъ по духовнымъ журналамъ, извѣстенъ въ нашей духовной литературѣ, какъ хорошій знатокъ греческаго языка и греческой богословской литературы. Послѣ покойнаго преосв. Порфирія ему, пожалуй, въ этомъ отношеніи у насъ принадлежитъ первое мѣсто. Его церковно-историческія и патрологическія статьи, которыя давно слѣдовало бы почтенному автору собрать въ одно отдѣльное изданіе, писаны по греческимъ и другимъ первоисточникамъ и при своемъ появленіи всегда возбуждали живѣйшій интересъ. Настоящее его изданіе представляетъ опытъ изученія и изданія неизданныхъ доселѣ памятниковъ византійской духовной литературы, находящихся въ рукописяхъ московской синодальной библіотеки. М—тъ Нилъ былъ одинъ изъ паламитянъ и жилъ во второй половинѣ XIV вѣка. Онъ написалъ, на сколько можно судить по рукописямъ синодальной библіотеки и по библіографическимъ указаніямъ у западныхъ патрологовъ (Фабриція, Лаббе и др.), не мало сочиненій разнообразнаго содержанія, въ томъ числѣ болѣе десяти проповѣдей (весьма большихъ по объему), канонъ на Успеніе Богоматери, стихотворный плачь Богоматери при крестѣ І. Христа (хорошо было бы сличить его съ другими «плачами», также византійскими, извѣстными по произведеніямъ древне-русской проповѣднической литературы, напримѣръ по проповѣдямъ св. Кирилла туровскаго), анакреонтическія стихотворенія, сказаніе о вселенскихъ соборахъ, въ числѣ которыхъ Нилъ насчитываетъ VIII-й (при патріархѣ Фотіѣ) и IX-й (въ царствованіе Андроника Палеолога и сына его Іоанна, противъ Варлаама и Акиндина). Изданныя нынѣ въ подлинномъ текстѣ и въ русскомъ переводѣ четыре проповѣди Нила (похвальное слово св. Матронѣ, бесѣды: на притчу о званныхъ на вечерю, о воскрешеніи сына вдовы наинской и на начало евангелія отъ Маттея) не отличаются особенными достоинствами и характеризуютъ автора какъ проповѣдника второстепеннаго или и меньше того. Похвальное слово св. Матронѣ составлено по извѣстному шаблону античныхъ панегириковъ и составляетъ не что иное, какъ рабское подражаніе извѣстнымъ панегирикамъ св. Григорія Богослова, буквальные выдержки изъ которыхъ (равно какъ изъ панегириковъ св. Григорія нисскаго) встрѣчаются въ немъ весьма часто. Слово это имѣетъ значеніе лишь по вѣсколь-

кимъ біографическимъ подробностямъ о св. Матронѣ. Всѣ же четыре слова свидѣтельствуютъ о близкомъ изученіи авторомъ твореній и ученія Григорія нисскаго, Василя Великаго, Григорія Богослова и Златоуста, мысли изъ которыхъ встрѣчаются едва не на каждой страницѣ этихъ проповѣдей; а три послѣдніи изъ нихъ, кромѣ того, отличаются склонностію къ неумѣренной аллегоріи. Переводъ всѣхъ четырехъ словъ сдѣланъ прекрасно и отличается какъ строгою вѣрностію подлиннику, такъ и хорошиямъ, вполне литературнымъ складомъ рѣчи. Но все-таки мы пожалѣли, что авторъ не избралъ предметомъ своего труда болѣе цѣнныхъ, изъ числа неизданныхъ доселѣ, произведеній греческой богословской литературы, изъ имѣющихся въ рукописяхъ московской синодальной бібліотеки. А еще лучше было бы, если бы о. Арсеній посвятилъ свой компетентный трудъ изданію въ русскомъ переводѣ (параллельно съ греческимъ текстомъ) сочиненій патріарха Фотія, что по всей справедливости признается предметомъ первой необходимости для нашей современной богословской литературы. Въ предисловіи (I—XII) переводчикъ знакомитъ съ малоизвѣстною личностію Нила и съ бібліографіей его сочиненій.

IV. Подвиги св. Модеста, архіепископа іерусалимскаго. Сообщеніе X. Лопарева. 1892.

Къ св. Модесту, наравнѣ съ святыми Антипой, Власіемъ, Фроломъ и Лавромъ, по «Прологу» и народнымъ повѣрьямъ, слѣдуетъ обращаться съ молитвами при различныхъ болѣзняхъ скота. Въ музей Императорскаго Общества древней русской письменности имѣется икона, изображающая совмѣстно всѣхъ этихъ святыхъ, а въ древней Руси обращалась икона одного св. Модеста съ изображеніемъ при немъ скотовъ,—каковая, по указу св. Синода, въ 1725 году была воспрещена. Существуетъ въ греческой литературѣ не одна редакція житія св. Модеста, есть житіе Модеста и въ славянскомъ Прологѣ. Г. Лопаревъ издалъ нѣсколько этихъ редакцій и между прочимъ житіе греческое, такъ называемой имъ московско-афонской редакціи, съ русскимъ переводомъ. — Въ обширномъ предисловіи къ своему изданію онъ даетъ весьма компетентное изслѣдованіе о различныхъ редакціяхъ житія Модеста, и между прочимъ приходитъ къ тому заключенію, что издаваемое имъ «житіе» есть «иодложный памятникъ византійской агиографической литературы («св. Модестъ жилъ и можетъ быть чудеснымъ образомъ врачевалъ, но, несомнѣнно, не былъ архіепископомъ іерусалимскимъ»), не заключающій въ себѣ ничего цѣннаго». Зачѣмъ же, спрашивается, въ такомъ случаѣ было его издавать? А главное, зачѣмъ было присоединять къ греческому тексту такой нескладный и, по мѣстамъ, неправильный русскій переводъ этого, не заключающаго въ себѣ ничего цѣннаго, памятника? Переводъ сдѣланъ до того смѣшно (такъ небрежно), что на каждой почти страницѣ можно находить неправильности перевода. Καλῶς авторъ переводитъ словомъ «прекрасно», διαλαβεῖν — разсмотрѣть, ἀνήχθη — былъ возведенъ (стр. 16), καταστάσις (каноническій терминъ—поставленіе) — избраніе, ἀπέληθη — оставлялъ жизнь; θεῷ τὸ πᾶν ἐπιτρέπειν καὶ ζητεῖν παρ' ἐκείνου τὸν ἄξιον — все возлагали на Бога и просили у Него достойнаго (неправильный переводъ предлога παρὰ),— καταλαβῶν—достигъ (18), ἀνὴρ τις — человекъ (см. «мужъ

нѣкій»), ἐκτείνει—ударяеть (вм. простираеть) ὡς εἶχε—какъ былъ (вмѣсто: какъ имѣлъ обычай), ἀνευφήμησεν — прославилъ (вм. исповѣдалъ), καταξωθήναι—получить (вм. удостоиться), ἀντικειμένου — діавола, поднимаетъ съ нолу воловъ (вм. съ земли), «подобно Давиду, восшедшему на царство» (оставлено безъ перевода слово ἐκ τῶν ποιμῶν — изъ пастуховъ (стр. 20), προεξερισμένου—предъизбраннаго (вм. предрукоположеннаго), и т. п. Во многихъ мѣстахъ въ переводѣ нѣтъ простого грамматическаго склада: «онъ, хотя и безбожный, имѣя дѣло преслѣдовать, взялся (за что?) самымъ тщательнымъ образомъ»; «въ ужасѣ и чудѣ онъ только нашелъ себѣ праведника»; «ты же, если почтишь день моей кончины, я буду всегда съ тобою»; «въ смыслъ всего его тѣла»; «вѣдь кому другому, какъ не одному пастуху, какъ и слѣдуетъ» (стр. 42); «тѣ, кто по вѣрѣ совершаютъ память святаго, онъ является имъ помощникомъ» (стр. 54). «Имя распятаго Бога» вм. имѣя (въ подлинникѣ: ἔχοντες, — что это не опечатка, видно изъ поправки въ концѣ, гдѣ у автора значится также «имя»), *Давидскія* слова, вм. Давидовы, къ поклоненію боговъ, вм. къ поклоненію богамъ (стр. 7), «имѣвшій тогда то занятіе, что былъ пастухомъ», «вѣшній мракъ» (вм. тѣма кромѣшная), «тиранна» вм. тирана, и т. п. Въ предисловіи авторъ, занимаясь вопросомъ о способахъ поставленія въ епископы въ древней церкви, обращается за справкою къ Ренодоту (Liturgiarum collectio), — это хорошо (еще лучше было бы, если бы авторъ былъ знакомъ съ новѣйшими русскими изслѣдованіями о томъ же предметѣ, каковыя можно найти между прочимъ въ любомъ изъ курсовъ церковнаго права), но гдѣ это онъ нашелъ, что въ епископы избирался мужъ, родившійся отъ матери — *двѣственницы*? Вообще, просмотрѣвъ трудъ г. Лопарева, мы пожалѣли, что почтенное общество любителей древней письменности не займется изданіемъ въ свѣтъ памятниковъ собственно древне-русской литературы, изъ которыхъ доселѣ не изданы многія замѣчательнѣйшія, давнымъ-давно уже ждущія изданія, напримѣръ проповѣдь Григорія Самвлака. Доселѣ мы должны довольствоваться лишь пересказомъ содержанія этихъ проповѣдей—у Шевырева и преосв. Макарія (въ его «Исторіи русской церкви»); но, не говоря уже о томъ, что пересказъ содержанія проповѣдей не знакомитъ вполне съ самими памятниками, нынѣ библиографически извѣстно уже значительно большее число проповѣдей Самвлака, чѣмъ какое значится у Макарія и Шевырева, и для извѣстныхъ уже его проповѣдей найдены новые списки, представляющіе существенныя различія съ прежними, какъ это можно видѣть изъ напечатаннаго лѣтъ десять тому назадъ въ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» сочиненія о Самвлакѣ, а еще болѣе — изъ кандидатской диссертациі г. Вознесенскаго (хранящейся въ рукописи въ библиотекѣ спб. д. академіи), который изучалъ проповѣди Самвлака по рукописямъ библиотекъ Императорской публичной и спб. дух. академіи. Критическое изданіе всѣхъ проповѣдей Самвлака, подобное изданіямъ проповѣдей Кирилла туровскаго, сдѣланнымъ г. Сухомлиновымъ и преосв. Евгеніемъ, составляетъ насущную потребность науки.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки